

Тина Моран

Белый покой

12+

Тина Моран

Белый покой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170304
SelfPub; 2018*

Аннотация

Наши герои – обычные постсоветские подростки со своими проблемами, которые мнятся им непомерными. Они просто не знали, с чем сравнить...

Утро бывает хорошим только в одном случае – когда оно наступает после часу дня. А вот если ему срочно нужно выгнать тебя в школу, да еще зябким майским утром – это не утро. Это просто издевательство какое-то! Можно попробовать отсидеться, вернее, отлежаться под одеялом – вдруг пронесёт?

– Его-о-ор! Давай вставай и собирайся быстрее! Мне нужно на работу, а ты телишься!

Не пронесло.

Комок под одеялом пошевелился, вытянулся в полный рост, послышался звук зевка, и... И снова стало тихо. Минут через пять открылась дверь и в комнату заглянула молодая девушка:

– Вот же наказание!

– Лиза, иди к чё-ё-о-орту! Мне сегодня попозже, – пробурчало одеяло. – Нас Пал Палыч запряг на общественно-полезные работы – лицуе вздумалось занять личное картофельное поле, чтобы эксплуатировать детский труд.

– Ничего, вам, лоботрясам, полезно. Особенно тебе. Может, хоть немного мясом обрастёшь. Давай вставай, чего валяешься? Опоздаешь – выгонят из школы!

Одеяло немедленно разразилось невнятным бурчанием, вспучилось, из-под него показалась рука с вытянутым средним пальцем. Круглое Лизино лицо вытянулось, тонкий нос наморщился, а ехидное одеяло продолжило:

– Я еще всяких блондинок не спрашивал! Моя жизнь – не твои проблемы!

– А жаль, – хмыкнула Лиза, покачав головой, – я бы тебе устроила кордебалет. За каждую плохую оценку или вызов родителей.

– Помечтай, помечтай, – буркнул Егор, вылезая, наконец, из постели. – Давай отсюда, я, может быть, стесняюсь!

Лиза вышла, хлопнув дверью. Процокали каблочки по до-рогущему паркету прихожей, хлопнула дверь, и в квартире стало тихо. Теперь можно и вставать, а то действительно так и опоздать недолго. Автобус каждого опоздуну ждать точно не будет, а за неявку наверняка родителей оповестят.

Егор протёр глаза, отбросил назад длинную чёлку и осмотрелся. За ночь в комнате ничего не изменилось – аккуратно разбросаны по стульям вещи, его гордость и прелесть – здоровенный черный системный блок был на своем месте, монитор неодобрительно мигал – мол, опять забыл меня выключить, нерадивый хозяин. А жёлтый костюм Скорпиона на плакате над кроватью вызвал приступ острой головной боли.

– Не выспался, – укорил себя Егор, поморщившись. – А ведь говорил... так нет же – еще пять минуточек, потом десять... Потом организм вспоминает, что выпил много чаю...

Он потопал в ванную и включил воду.

– Неродная сестра – хуже Пятачка с ружьем! – жаловался зеркалу Егор, начищая зубы. – Хотя иногда она бывает полезной. Отвозит в школу, забирает от друзей, покрывает

перед родичами.

Чёлка мешалась в большей части занятий, составляющих Егорову жизнь, но ему казалось, что с ней он выглядит солиднее, хотя многие утверждали обратное. Сзади он был стрижен коротко, волосы спереди можно было дотянуть до верхней губы, чем Егор довольно часто успешно и занимался перед зеркалом. Особенно когда умывался. Но не сегодня – сегодня он боялся опоздать.

– Вперёд! – пробасил он и со стуком опустил зубную щётку в оранжевый стаканчик. – Дела не ждут!

Голос у Егора начал ломаться рано – всего лишь месяц назад, прямо перед тринадцатилетием, поэтому он старался чаще говорить сам с собой, чтобы попривыкнуть к перестройке организма и быстрее избавиться от раздражающего писка.

Несмотря на показушное хамство, Егор был почти интеллигентным мальчиком – не только просиживал штаны за компьютером, но и с удовольствием почитывал книги и даже тайком писал стихи. И, не в пример сверстникам, совершенно не интересовался противоположным полом – ну воспитание такое, неинтересно ему было приседать на уши сверстницам, поить их и лапать опосля – мал он ещё был для таких ухищрений. Да он лучше эту денежку спустит в компьютерном магазине на лицензионную игру. Да и батарейки, между прочим, в оптической мышке тоже не вечны. Игр всяких-разных тоже нужно успеть пройти достаточно, какие уж

тут девчонки? Сплошная тоска от них и нехватка свободного времени на дела, действительно стоящие внимания.

Ругался Егор только в крайних случаях, вот как сейчас – проходя мимо ванны, он ударился пальцем ноги об косяк. Вся интеллигентская обёртка треснула по швам, и квартиру огласили вопли раненого слона. Отчаянно ругаясь и разминая пострадавший палец, Егор допрыгал до кухни, сунул нос в холодильник и понял, что завтракать он сегодня не будет. Творог. И варёные яйца. Ну и гадость! А творог ещё и с изюмом... Отравить его хотят, не иначе. Это все Лизка с её дурацкими диетами!

Егор с разочарованием пошуровал в нижнем отсеке, в верхнем, на дверцах. На всякий случай заглянул в маслёнку. Колбасы, кроме той, что припасена в дорогу, нигде не было. Придётся идти без завтрака. Жаль, а так хотелось колбаски с сыром! Егор извлёк сырую сосиску, зажевал её, глотнул заварки из чайника. Пока раздумывал – не укусить ли сахару, из комнаты раздался знакомый шум.

– Иду уже! – прикрикнул Егор на сотовый, радостно вывешивший гитарными заплатами.

Рок и иже с ним он не любил, но другие мелодии вызова почему-то не слышал. А рок громкий. Учителям очень нравился!

– Слушаю вас, Константин Никифорович!

– Соколов, ты где шляешься? Шпалыч тебя четвертует, а потом помочится на ещё тёплый труп!

Если Егор был интеллигент внутренне, то Константин Зеленцов производил впечатление ботаника. Снаружи. Причем, ботаника в вакууме. Но горе тому, кто посмел обмануться его кротким видом! Помимо острого языка, подрезающего крылья любому зубоскалу, Константин Никифорович запросто мог обидчика в бараний рог скрутить. На занятия он ходил какие-то в своем Симферополе. Бить по лицу сходу считал недостойным. Он поправлял очки в тонкой металлической оправе и назидательно рассказывал очередному бедолаге, куда имел всю его родню вплоть до времен Петра Первого. А потом уже, когда дело доходило до драки, тыкал противника носом в стену, в дерево, в пол или землю и продолжал спокойно вещать про снисхождение.

Собственно, так они с Егором и познакомились.

В прошлом году Егор, направляясь по всем известной нужде в туалет, узрел, как их классные бугаи во главе с вечным заводилой Мишкой Жабиным пытаются учить правилам заведения ботаника, перешедшего в их класс на прошлой неделе. Ну и получил Мишка хорошо поставленным ударом в нос. Егор аж залип на месте – не каждый день шкаф-купе и общепризнанный бандюган получает в нос от худосочного новичка. Остальные решили не связываться со страшным ботаником, подхватили пострадавшее начальство под руки и уволокли от греха подальше – к умывальнику. А Егор стоял и пялился на редкие красные капли на голубом кафеле, кое-где треснувшем от времени; он забыл, что, в об-

щем-то, по нужде пришел.

– Ну чего? – окликнул его грозный ботаник, поправляющий очки, – могу и тебе чёлку укоротить, к примеру.

Егор ничуть не стушевался от сурового тона и насмешливого взгляда и выпалил:

– За чёлку сам умыться пойдешь!

Так и познакомились. Константин Никифорович часто напоминал Егору, что чёлку не мешало бы состричь, на что тот огрызался – ему и так нравится. Косте просто повезло, что он попал не в какую-нибудь школу уголовников, а вполне себе престижный лицей, поэтому даже придурок Жабин по сравнению со шпаной из других школ, обычных – сама любезность.

А вот девчонки у них в классе злые. В свое время Егор еле спас из их наманикюренных коготков Алёнку Белую. Женское сообщество, осознав наконец, что оно уже взрослое, сплочённое и вправе судить тех, кто отличается от других, наградило её обидным прозвищем «Букашка». Потом кто-то вlepил в белобрысые волосы жвачку, заставив коротко остричься. А дело было в том, что у Алёнки паралич лицевых мышц, из-за чего она могла улыбаться только одной стороной лица, вторую сводила судорога. Это, как и то, что она была мелкая, костлявая и грациозная, как полумертвая газель, отнюдь не добавляло ей популярности. Но, на вкус Егора, Алёнка была симпатичная.

Может, потому он и вступился за неё на уроке физкуль-

туры, когда девчонки, сговорившись, зажали Алёнку в углу, пока физрука не было в зале, и поливали водой из пластиковой бутылки. Это было унижительно, и пока другие мальчишки зубоскалили и подначивали разошедшихся одноклассниц одобрительными окриками, Егор грубо растолкал девчонок и, не обращая внимания на обидные и унижительные реплики, пробрался к мокрой и взъерошенной Букашке. Обычно Егор был трусоват, но в некоторых случаях он об этом напрочь забывал. Алёнка сидела в углу, закрыв глаза, её рот дрожал и кривился. По мокрым щекам ползли чёрные потеки.

Осознав, что нежелательный душ прекратился, она открыла один глаз, потом другой, молча встала и ушла умываться. Но после этого поглядывала благосклонно и даже заинтересованно, а не равнодушно или зло, как на других, пока Егор не выдержал и не подошёл первый. Это было ещё до того, как он подружился с Константином Никифоровичем, а тот, едва познакомившись с Алёнкой, сразу взял ее под свою опеку, и от нее постепенно отстали. Так и ходили они все втроем уже год, крепко держась друг за друга.

– Женюсь! – грозился Константин Никифорович на переменах, когда Букашка притаскивала в школу очередную порцию пирожков с вареньем собственного приготовления.

Егор хмыкал, жуя, и притирался поближе к Алёнке. Мальчишки сидели на пятой парте вместе, Алёнка, одна – сразу за ними, на последней. За последний год она сменила цвет во-

лос с белого на иссиня-черный, полюбила тёмную одежду и устрашающий макияж. Егор с Константином Никифоровичем только изредка незло подшучивали над ней, но в целом относились с равнодушием.

Остановившись в дверях, Егор проверил рюкзак с провизией – палка колбасы, батон и два пакета сока. Весило это всё прилично, но какая работа без еды? Он закинул еще два кусочка плавленого сыру, чтобы колбасе не было скучно в чересчур мягком обществе хлеба, и попробовал поднять ношу. Поднять получилось, но с недосыпа Егора покачнуло. Он опёрся щекой о приятную прохладную стену, впечатался в одну из золотых завитушек на обоях и чуть не закрыл глаза, но вовремя вспомнил о долге перед родиной.

Друзья ждали Егора у подъезда. Константин Никифорович щеголял в старых джинсах и рубашке старшего брата, которую два дня назад нечаянно прожёл сигаретой, после чего в обмен на подзатыльник получил её в постоянное пользование. Алёнка была, как всегда, во всем чёрном, даже повернутая козырьком назад кепка была темно-зелёная. Глаза из-за обилия подводки и туши казались совсем огромными.

– Слушай, готы не крестятся, когда ты мимо проходишь?

– На себя посмотри, гопничек.

Егор осмотрел себя и пожал плечами. Ему нравились спортивные штаны – движений не стесняют, ничего не потеет. Как раз то, что нужно в тёплый майский полдень. Он скосил глаз на небо – день обещал быть жарким.

Павел Павлович, их завхоз, всегда подбивал директора на какие-то совершенно сумасбродные идеи. То он коня предложит завести, личного, лицейского, чтобы на переменках катал первоклашек. То ввести сменную обувь, причём тот, у кого её не было, карался неудом по поведению. Кстати, проклятую сменку, к счастью, так и не ввели – побоялись народных волнений. Впереди всех грудью стоял незабвенный Константин Никифорович, выкрикивая лозунги, достойные самого Ленина. Нарушителей сопроводили к директору, но законопроект, касающийся обуви, решили пока отложить.

И теперь вот лицуе совершенно срочно понадобилось бывшее колхозное поле. Вообще, дело благое – Шпалыч убедил директора, Анатолия Сергеевича Тостопёрова, седовластого господина с зачатками интеллекта и маразма, что детям в рационе свежие овощи попросту необходимы, а Минобразование на этот год резко урезало финансы. Поэтому лучше бы вместо очередного курорта для директорской семьи потратить часть средств, к примеру, на поле бывшего колхоза «Радужный» на котором, с помощью тех же детей, можно было бы выращивать витамины. Анатолий Сергеевич счёл предложение разумным – а как не счесть, если страшно, что сдать могут с тревухой и потрохами и посадить за растрату?

– Ладно, прекратили! – скомандовал Константин Никифорович. – Развели тут детсад, ясельная группа.

Алёнка только фыркнула.

До школы было недалеко – двор, заросший лопухом, двор,

где под буйно цветущими кустами сирени притаились выкрашенные в синий лавочки, а возле них – миниатюрный филиал помойки, новостройка – и вот уже виднеется знакомое бледно-жёлтое здание.

Математический лицей номер тридцать восемь задними окнами смотрел на свою гордость – небольшой стадион, оборудованный новейшим спорт-инвентарём, а парадный вход располагался прямо напротив оживлённой трассы, за которой виднелись торговые центры.

– Ну что, детвора, как настрой? – Их встретила Настасья Васильевна, учительница истории и по совместительству их классная руководительница.

– Превосходно, – буркнул Егор и зевнул.

Настасья Васильевна на всю школу славилась своими причудами. Если у Шпалыча идеи были почти что всегда полезные, то причуды Настасьи были чаще всего декоративно-сумасбродными. Ну вот зачем, к примеру, в коридоре нужны латы, сработанные её друзьями-толкиенистами? Или копии средневекового оружия в историческом классе? Говоря по чести, возражал исключительно директор, Егор сильно подозревал, что мальчишки очень сильно бы обрадовались такому новшеству. Да он бы первый ухватил какой-нибудь бердыш и с гиканьем помчался бы строить коммунизм.

Возле лицея уже стоял автобус, вокруг которого толпились два восьмых класса, все тридцать девять человек. Все было как всегда: самыми горластыми были прихвостни

Мишки Жабина, самыми тихими и высокомерными – девочки из элитного кружка Светки Добронравовой, в который допускались только самые красивые и наглые.

Ехать было скучно. Егор смотрел в окно, пока знакомый урбанистический пейзаж не сменился унылыми весенними полями. Они устроились в самом конце автобуса, на длинном ряде из пяти сидений, рядом с Варварой Никитичной и Настасьей Васильевной. Алёнка уже успела задремать на плече Константина Никифоровича, проснуться на ухабе и задремать снова. Егор смотрел на неё с завистью – сам он не мог спать, когда на уши давил гул мотора, а каждые несколько минут сиденье под ним подбрасывало.

Спустя полчаса из автобуса Егор выходил, пошатываясь и проклиная головную боль. Алёнка зевала, Константин Никифорович комкал в руках Алёнкину кепку и шипел на толкнувшего его прыщавого Котлету. Жирный, с одышкой Котлета был добродушным и не отвечал, только молча пёр дальше, туда, куда сказал выйти Шпалыч. В чисто поле.

Поле оказалось самым что ни на есть русским – широкое и бескрайнее, с черной-пречёрной землёй. Его только-только вспахали, может, вчера вечером, и запах сырой земли щекотал ноздри. Егор с тоской посмотрел вдаль – работы непочатый край.

– Итак, друзья. Перед нами стоит ответственная задача, – вещал Шпалыч. – Мы все с вами прекрасно понимаем, что у нас не так много времени, чтобы отлынивать от работы. Вы

же не хотите приехать сюда еще и завтра?

– Я жажду служить, – замогильным голосом провыл Егор, и все засмеялись.

– Похвальное рвение. – Шпалыч, конечно же, не знал происхождения фразы. – Сделаем всё до вечера, и домой!

Егор уныло поплёлся на отведенную ему часть грядки. Рядом с таким же энтузиазмом шли Алёнка и Константин Никифорович.

– Эх, а я так хотела сегодня весь день провести дома, – вздохнула Алёнка. – А нас заставили пилить к черту на рога и батрачить на благо родимой школы, чтоб они там обосрались все!

Первый час был самым трудным. Егор машинально грёб, втыкал в землю картошку и думал, что если бы не перчатки – было бы совсем печально.

Второй час прошел под эгидой лени. Егор убедил себя, что очень устал. Сначала жалел почти до слёз, потом рассердился. Как они посмели, крепостное право отменили, а детский труд запрещён! За эту мысль уцепиться не получилось – подлые поработители трудились наравне со своими маленькими рабами, поэтому пришлось срочно придумывать что-то другое. Он был не против, чтобы их атаковали гигантские помидоры-убийцы. Чтобы на поле высадились инопланетяне. Чтобы случилось Второе пришествие.

Пришествие случилось. Мишки Жабина. На его территорию. Егор был бы рад уступить эту территорию кому-нибудь

другому, а сам отлежаться в теньке, но тут имел место принцип – Мишке уступать ничего нельзя. Перебьётся.

– Хорошо сидишь.

Егор пригрозил здоровым клубнем, неизвестно откуда взявшимся в мелкой семенной картошке, и сказал:

– Мишка, а не пошел бы ты... на свою половину поля, например? А то при виде тебя я вместо того, чтобы работать, пускаюсь в пространные размышления – то ли в башку тебе эту картофелину запустить, то ли просто заткнуть ей тебе рот.

Остальные только хмуро посмотрели на них и продолжили работать. Обрадованный Мишка подбочился и предложил:

– Ну, рискни.

Тут же, как по волшебству, рядом возник Шпалыч. Он сердито оглядел участников перепалки. Алёнка молча гребла землю, Константин Никифорович сделал вид, что нашел картошку невиданной красоты и сосредоточенно рассматривал её, а Егор, так как стоял гордо и без дела, попал под раздачу:

– Так, господа-товарищи, почему не работаем? Жабин и Соколов, вам особое приглашение нужно?

Мальчишки зло покосились друг на друга, но промолчали.

– Давайте-ка! Еще пара рядков на каждого – и по домам.

– Легко говорить, – проворчала Алёнка, – тут грядки

длинною в жизнь.

Шпалыч это услышал и всплеснул руками:

– Я тоже не без дела слоняюсь. И Валентина Никитишна вон спину гнёт, а вы тут прохладжаться вздумали. Живо за работу!

Мишка угрюмо зыркнул на Егора и пошел к своим.

– Рабовладелец чёртов! – буркнул Константин Никифорович, когда завхоз отошел подальше.

Но никто из друзей не поддержал этот маленький бунт, и он уткнулся в грядку.

Егор то и дело поглядывал в сторону леса. Там, в зловещей полутени, виднелось какое-то строение. Ему чудилось, будто бы там стояла, ни много ни мало – избушка Бабы Яги. И чем чаще он туда поглядывал – тем больше был соблазн бросить всё и улизнуть к загадочному дому.

– Также интересно? – спросила Алёнка, придвинувшись вплотную. – Надо будет туда сбегать перед тем, как поедem домой. До жути интересно, что там.

Константин Никифорович затею не поддержал.

– А если там гнилое всё? Вот как шандарахнетя тебе на голову – и кепка не спасёт!

– Ха-ха-ха, какая шутка!

– Я не шучу, дура ты неумная!

На дуру Алёнка обиделась и, надувшись, отодвинулась подальше. Егор от души выдал Константину Никифоровичу

подзатыльник.

– Зачем ты так? Лучше бы Мишке в морду дал. Девочек обижать вы все любите.

Константин Никифорович пробурчал что-то матерное и тоже замолчал.

Они молчали весь обеденный перерыв, жуя каждый свою колбасу и запивая каждый своим соком. Только Алёнка пила чай из термоса и грызла арахис в глазури. Отсыпала каждому по горсти разноцветных конфет, и они все снова стали закадычными друзьями.

Работали до заката, зато необъятное поле теперь таило в себе несколько тонн овощных семян. Усталые школьники сгрудились возле автобуса группками и делились впечатлениями. Для кого-то это был первый опыт общения с землей, для кого-то – неприятная привычка. Рядом расположились вымотанные до предела взрослые. Завхоз по-простецки присел на обочине и курил. В автобус решено было пока не загружаться, а передохнуть на свежем воздухе. Троица верных друзей тоже расселась на молодой травке, но закуривать при всех Константин Никифорович не решился. Алёнка что-то гуглила в телефоне, а Егор и вовсе растянулся в полный рост прямо на земле, подложив под спину куртку.

– Красота! – Рядом с опешившим от такой наглости Константином Никифоровичем плюхнулся Жабин.

Егор быстро оправился и недобро покосился на наглеца:
– Тебе чего? Дуй к своим дуболомам, пока тебе саженцы

не повыдергивали!

– Не справишься, – убежденно заявил Мишка, придвигаясь к Алёнке. – Знаете что? Мне ваша подруга нравится. Я хочу с ней встречаться.

– Не смешно, – отрезала «подруга», не поднимая взгляда.

Егор аж подскочил на месте и зло выпалил:

– А в газетку тебе ничего не завернуть? Иди вон к классным красоткам – их и снимай!

Все сразу покосились на красавицу Светку. Даже на полях она была краше многих девчонок своего возраста, хотя макияж немного потускнел от рабочего пота, а из аккуратной прически выбились непослушные пряди, крашенные в жгуче-чёрный цвет. Вокруг неё щебетали подруги и прихлебательницы, возмущающиеся тому, что они всё никак не уедут.

– Светка мне не нравится, – решительно сказал Мишка. – У неё пустота в голове.

Но Константин Никифорович не сжалился над ним:

– Двигай отсюда подобру-поздорову, а то и правда получишь!

Мишка, то и дело бросая на Алёнку влюблённые взгляды, притворно вздохнул:

– Странные вы люди. А может, вы её вдвоём того?

Аленка наконец соизволила поднять на него равнодушный взгляд:

– А у тебя в другом направлении мозги работают?

Тут Егор, впавший в ступор от столь кощунственного

предположения, отмер и выдал, накупившись:

– Ты не охренел ли с такими предположениями? Прочисти мозги и язык с мылом помой – потом подходи. А лучше не подходи вообще.

Столь доверительный разговор был прерван недовольным гомоном – большая часть школьной общины обступила Шпалыча и выражала своё неудовольствие.

– Подумаешь, спустилось колесо! Сейчас Анатолий его быстренько...

Константин Никифорович отвёл Егора в сторону.

– Зато у нас есть возможность посетить домик. Айда?

– Быстро же ты мнение меняешь... Ладно-ладно, пошли!

Перед Алёнкой извиниться не забудь!

Константин Никифорович посмотрел на хмурую Алёнку, набрал побольше воздуха. И чуть не оказался на земле – мимо, не обращая внимания на предостерегающие крики Шпалыча, с улюлюканьем пробежал Мишка со своими друзьями.

– Снова он первый. Ладно, пойдём. Будем вторыми.

Домик навел на мысли об избушке на курьих ножках – веяло от него чем-то таким, сказочным. Пыльный полумрак пропах травами, душистыми, терпкими, старым деревом; сухость – никакой затхлости.

– Приехали! Откуда он тут такой?

Мишка со своими прихвостнями тоже с интересом ози-

рался по сторонам и, кажется, даже забыл, как язвить.

Домик изнутри был ну натурально избой времён крепостного права. Бревенчатые стены, на которых аккуратно развешены разного толка венички – тут тебе и дубовые, и берёзовые; Алёнка ткнула в один и с уверенностью заявила, что он осиновый. Егор тут же оживился:

– Ну, от вампиров мы защищены по крайней мере. Надеюсь, в этой хатке и соль найдется, чтобы её от оборотней на порог посыпать...

– Дурак, – испуганно вытаращилась на Егора Алёнка. – Что ты такое мелешь, типун тебе на язык!

Егора бесила её манера иногда вворачивать вычурные или старомодные слова и выражения, о чем он каждый раз сообщал в весьма язвительной манере. И сейчас бы сообщил. Если бы снова не подошёл Мишка.

– Есть предложение. Давайте с ней по очереди?

С Мишкой Егор предпочитал не связываться. Слишком большой и слишком мало думает. Но сейчас от таких слов он и сам перестал соображать. Размахнулся и треснул Мишку по уху.

Егор против Мишки был как вяз против дуба. Но без боязни продолжал наскокивать и махать кулаками, и Мишка не выдержал. Бить сильно не стал – просто толкнул вполсилы. Егору с лихвой хватило, чтобы отлететь к стене.

То, что было дальше, он не помнил. Очнулся от весьма неласкового похлопывания по щекам. Алёнка. Увидев, что

Егор очнулся, она молча прижала его лохматую голову к своей груди и почти сразу же молча отстранилась. Испугалась. Как и всегда, в ситуациях, далеких от позитива, проявился её паралич, и Егор почти с неприязнью смотрел на перекошенное уродливой гримасой лицо, пока Алёнка не отвернулась и не отошла к притихшим одноклассникам. Пошатываясь, Егор встал с помощью Константина Никифоровича и попытался сфокусировать взгляд на Мишке. Тот был злой, под носом запеклась кровь. Но смотрел настороженно – тоже испугался.

Егор отряхнулся от пыли, вынул из волос гербарий, который собрал, когда бухнулся о стену с сушёными травами, и сказал:

– Всё в порядке.

Язык во рту показался чужим – еле движущийся бесполезный кусок мяса неприятно тёрся о зубы. Кстати, зубы целы вроде.

– Сам сможешь иди?

– Конечно, я что, калека, что ли?

– Но ведь...

Недовольный взгляд заставил Алёнку замолчать; она даже слегка обиделась. Вышла за дверь. Егор, пошатываясь, последовал за ней. Обернулся. В лучах заходящего солнца дом казался ещё более таинственным и загадочным.

– Вам не кажется, что стемнело рано?

– Да нет. – Константин Никифорович посмотрел на небо.

Когда они подошли, то увидели, что водитель с натужным кряхтением накачивает массивное колесо.

– Неужели просто нельзя позвонить в город? Пропавший автобус, полный детей, должен вызвать суматоху.

– А сеть не ловит. – Константин Никифорович деловито воздел руку со смартфоном к небу. – Хотя это странно – мы недалеко от Пензы уехали.

– О, всё, кажись, – насторожилась Алёнка и встала на цыпочки, чтобы рассмотреть творящееся у автобуса. – По коням.

Егор подхватил изрядно похудевший рюкзак и поплёлся вперёд.

Красавица Светка смерила подошедшую троицу презрительным взглядом и, растолкав своих подружек, впорхнула в автобус. Алёнка зашла следом, потом Егор и Константин Никифорович. Последним зашёл Пал Палыч, убедившись, что все ученики с поля переместились в автобус. Сам он прошёл на заднее место и крикнул водителю:

– Все на месте, Толь, трогай!

Но мотор автобуса, до этого исправно урчавший, вдруг подавился и заглох. Анатолий, молодой крепкий мужчинка с пышными черными усами и обритой наголо головой, очень удивился, потому как недавно только чинил свою бестию.

– Что за ерундень?

И хотел было вылезти, но только выдохнул ошарашенно:

– Мать-перемать!

Услышав снаружи негромкое постукивание, все прильнуло к окнам.

По земле полз туман, серый и как будто склизкий, он извивался змеёй, прилипал к автобусу, оседал на стёклах каплями, которые сразу же расползались морозным кружевом. Такого они по естествознанию не проходили. Алёнка испуганно прижалась к Егору.

– Смотрите! – дёрнул друзей Константин Никифорович и ошеломленно выдохнул.

И только тогда стало заметно, какой в салоне холод. Девчонки переполошились, некоторые от избытка чувств начали причитать и хныкать. Алёнка не издала ни звука, хоть и была порядочной трусихой, просто вцепилась в Егора и мелко тряслась. Учительницы тоже молчали, даже вечно беспокойная Настасья притихла, сжимая в руках кончик толстой косы.

Наконец, в себя пришел Шпалыч и гаркнул:

– Отставить панику! Мы с Толиком сейчас выйдем и посмотрим, что стряслось!

Егор наклонился к друзьям, чтобы никто не слышал, и сердито прошептал:

– Это самая тупая идея, которую я когда-либо слышал! Из серии «Уже три часа ночи, а я еще не ходил в подвал...»

Беспокойство Алёнки усилилось, и она от избытка эмоций чуть не придушила Егора.

– Но ты же не думаешь, что у нас тут фильм ужасов? –

спросила она уже с ноткой истерики в голосе.

– Очень хочу на это надеяться.

Даже Мишка и его вечные спутники – Витька по кличке Жук и просто Колян – тоже были встревожены. Толик открыл дверь и вслед за Шпалычем вышел в туманный ад.

Повисло зыбкое пугающее молчание, все вжались в свои кресла и почти не дышали.

– Что это? – беспомощно спросила Варвара Никитична.

Егор переспросил:

– Что?

И тоже услышал. В тишине пошёл гул, который постепенно нарастал, заполняя каждую голову невыносимым звоном. И оборвался, лопнул исполинской струной.

Мишка испуганно икнул, Светка истерично заголосила, и её поддержали испуганные подружки. Но вопли перекрыл другой крик; полный ужаса и боли, он звучал сквозь вату тумана и был достаточно громким, чтобы утихомирить всех. Теперь икнул уже Константин Никифорович, а Алёнка, задохнувшись и скривившись, схватилась за сердце.

– Смотрите! – воскликнула рыжая Вера, лучшая Светкина подруга.

Её дрожащий палец указывал на пол, по которому, извиваясь и корчась, стелился туман. Егор бы никогда не подумал, что туман может извиваться и корчиться, но что сказать, если именно этим он и занимался?! Корчился, как последняя гадина, завивался в спирали, облизывал ноги, которые

все тут же принялись поджимать, заскакивали на сидения, пока в глухой тишине, наполненной шорохами, не раздался сдавленный голос Настасьи Васильевны:

– Закройте же дверь!

Егор, очнувшись, отцепил от себя помертвевшую Алёнку и ринулся к кабине водителя.

– Подожди!

В автобус ползком пытался залезть Шпалыч. Автобус взвыл, заплакал девчоночьими голосами, наполнился оханьем и причитаниями Варвары Никитичны и Настасьи Васильевны.

– Да помогите же! – гаркнул Егор, выйдя из себя.

Первым на помощь ринулся староста Андрей, потом – Мишка. Вместе они втащили потрепанного и окровавленного завхоза в салон, и Егор нажал, наконец, на кнопку, закрывающую дверь. Снаружи раздались скрипучие гневные вопли и возня – неведомые существа пытались пробраться в автобус.

– Что делать? – подала голос Варвара Никитична.

– Щас придумаем, – решительно отозвалась Настасья Васильевна.

Завыла Светка. И не просто по-девчоночьи капризно – страшно, тоскливо, как умирающая собака. Остальные – и парни, и девчонки, кто молча, кто с плачем, сползли вниз.

Егор снова услышал скрежет снаружи – как тонкой металлической проволокой по стеклу провели, и пообещал себе

ни в коем случае не смотреть туда. Но не выдержал – глянул мельком. И тут же пожалел об этом.

К окну прильнуло невероятное существо – растрёпанная вытянутая голова, длинные, похожие на узловатые корни конечности, каждый отросток которых заканчивался длинным когтем, которыми оно и скрежетало. На месте рта был чёрный провал; нижняя челюсть у существа была, но съехала куда-то вниз. Горящие ядовито-зелёным огоньки бегали, перемещались по всему длинному телу с проворностью пауков.

Егор запищал – жалко, еле слышно; ужас сдавил горло.

«Только бы не обделаться со страху», – повторял он в уме как мантру.

Юркие глаза тем временем собрались на морде существа, около десятка, и Егор понял, что смотрят на него. Монстр, явно забавляясь, стукнул когтем по стеклу, раз, другой. Глаза засуетились, забегали и загорелись ещё ярче, некоторые из них прилипли к стеклу.

– Не смотри! – выкрикнула Алёнка.

Егор сполз на пол и на четвереньках пополз туда, где суетились Варвара Никитична и Настасья.

– Аптечка!

На груди Шпалыча в ворохе окровавленных тряпок, бывших некогда рубашкой, темнели несколько аккуратных дырочек. Егор машинально насчитал шесть. Кто-то засунул ему в грудь пальцы. Длинные тонкие пальцы шестипалой руки.

– Он не дышит. Заткнись! – рявкнула Настасья Светке. –

Угломоните её!

Варвара Никитична, закрыв рот рукой, тихо заахала. Из ее глаз текли слёзы.

– Что же это творится, Господи ты, Боже мой!

У Настасьи тряслись губы, и она их поджимала, чтобы никто не видел её страха.

Весь автобус сходил с ума. Кто-то громко выл, кто-то молча трясся, бессвязно шептал или хихикал. Автобус распирало от звуков, а снаружи продолжали бесноваться страшные потусторонние пришельцы. Или ископаемые? Егору было всё равно, из какого ада они явились. Он наклонился и прислушался.

Шпалыч не дышал. Егор почувствовал, что штаны на коленях стали мокрыми от крови. Только не думать, что это кровь, только не...

Его вырвало прямо на Шпалыча. Настасья отпрянула, а Варвара Никитична запричитала в голос, и её плач подхватили остальные. Светка уже билась в истерике.

Шум нарастал – алчное урчание снаружи смешивалось с плачем испуганных детей. И в этой душераздирающей какофонии Егор услышал странное потрескивание. Это трещало лобовое стекло под натиском неведомых тварей.

Он машинально утёрся и пополз прочь от тела завхоза. Звать друзей он боялся, а в полумраке, в общей неразберихе он никак не мог их увидеть.

«Прочь отсюда, – стучала в голове мысль. – Убраться вон.

Где Алёнка? Где Костя?»

Он старался не поднимать головы. Даже сплюнуть боялся, несмотря на горький привкус во рту.

Тем временем существа, перебирая многочисленными щупальцами, вползали в салон одно за другим. Шустрые глаза забегали по обшивке салона, скакали по вопящим от ужаса людям. Настасья Васильевна, вскрикнув, с отчаянной яростью прихлопнула светящийся шарик на своём плече. Твари перестали копошиться на миг, затихли. А потом взвыли все разом, да так, что Егор чуть не оглох, и устремились к Настасье. Сдавленно вскрикнула Варвара Никитична, и наступила тишина. Смерть, развернувшая свой саван так близко, поразила всех настолько, что затих весь автобус.

Новый звук, раздавшийся, когда настигли пожилую учительницу, Егор знал по многочисленным компьютерным играм. Звук ломающихся костей. Такой желанный из колонок, ныне он был неуместным. Как и все происходящее. Этого не должно было быть наяву.

Началось светопреставление. Все вопили, метались, пытались цепляться за кресла, друг за друга, лезли в окно, но их все равно настигали. Тёплые брызги тяжело капали Егору на макушку, на руки, и как он ни старался заткнуть нос, до него доходили тошнотворные запахи и звуки.

Темнота вокруг него шевелилась, скрежетала и смачно чавкала. А у Егора в голове была только одна мысль – он остался один в окружении неведомых существ, питающихся

людьми. Тело сделалось вдруг слабым, он не мог даже сжать кулаки – не то что ногами пошевелить.

«Странное это ощущение, смертельный страх».

Он лежал, прикрыв руками голову, пока не заметил, что стало светлеть. Очень-очень осторожно Егор посмотрел в щёлочку между пальцами. Свет шёл сверху. Он поднял голову.

Под потолком собрались мерцающие глаза, освещая превратившийся в бойню автобус. К горлу снова подкатила тошнота, Егор закрыл глаза, но память тотчас же в мельчайших подробностях подкинула видение Светки с распоротым горлом.

Больше блевать было нечем, Егор, зажав рот, давился сухими спазмами, пока кто-то не схватил его за ногу. Он всхлипнул и лягнулся изо всех сил, но неведомый противник приглушённо ругнулся знакомым голосом.

– Алёнка?!

– Это я. Это я, – твердила Алёнка как заведённая.

Она намертво вцепилась в его ногу и трясла её. Егор подтащил к себе за шиворот и зажал рот рукой.

– Тихо! Заглохни! Нас услышат!

В ответ Алёнка испуганно закивала. Её подбородок дрожал, левая часть лица искривилась.

– Нужно валить отсюда. Я не знаю как. – Егор сжал зубы, борясь со слезами. – Не хочу сдохнуть, так тупо...!

– Не ори!

– Как не орать, напугал до...

– Заткнись!

Из-под кресла смотрел на них Константин Никифорович, бледный и испуганный.

– Это, знаете... Это какая-то хрень. Я не знаю... Нужно выбираться! Они почти все ушли... уплыли... да пофигу! Нет их, только вон!

Прямо над ними под самой крышей висело одно из существ. Оно вытянуло корнеобразные щупальца, намереваясь схватить Алёнку, но Константин Никифорович прошипел:

– Не беги! Замри и молчи!

Алёнка застыла, как была – на карачках. Существа потянули щупальца к ней, остановились, будто раздумывая, и проплыли мимо.

– Вылезать по очереди будем. Время от времени останавливаясь. Понятно?

– Да, – охрипшим голосом прошептала Алёнка.

Невыносимо долго они пробирались к дыре, зияющей в большом боковом стекле. Стараясь не издавать шума, Егор переставлял ноги и кривился, когда наступал на что-то мягкое или скользкое. Боясь выдать их, он боролся с тошнотой изо всех сил, но то и дело содрогался в приступах и замирал на месте.

Алёнка шла за ним, а Константин Никифорович пятился и внимательно следил за реакцией существ. Те волновались, скрежетали, но не понимали, куда то и дело пропадает добы-

ча. Одна из тварей висела прямо рядом с Егором и приходила в возбуждение, стоило ему сделать шаг.

– Оно не отстаёт, – прошипел Егор в отчаянии.

В другом конце салона раздался стон. Все существа, как один, ринулись туда, а Егор, схватив Алёнку за руку, бросился к разбитому окну. Константин Никифорович нырнул за ними.

Так быстро Егор не бегал ещё никогда в жизни. Ноги сами несли его к лесу, через картофельное поле. Остальные бежали следом.

Лес вырос вокруг них внезапно, мрачный, пугающий и такой же сверхъестественный, как существа в автобусе. У Егора запоздало закралось подозрение, что путь для спасения они выбрали неверный. А тут ещё Алёнка ойкнула:

– Здесь болото. Я ноги промочила.

– Откуда здесь... – начал Константин Никифорович и осёкся, – болото...

– Испокон веков болото здесь, – ответил ему голос – неестественно тонкий, злобный и оттого жуткий.

Холодея, Егор обернулся.

На дереве, на развилке удобно развалилось существо, напоминающее молодую девушку. Только вот ноги зелёной чешуйчатой красавицы извивались, как щупальца осьминога. Матово блестела в лунном свете чешуя на животе и боках, с тёмных волос капала вода. Егор попятился, прикрывая собой Алёнку и тесня назад Константина Никифоровича. Дру-

гая девица, сидящая на толстой нижней ветке, хихикнула, и стало ещё страшнее. Смешок мало походил на человеческий – чересчур тонкий и противный. Так смеются сумасшедшие.

– Русалки? – шёпотом спросила Алёнка у замерших на месте друзей.

– Мавки, – премерзким голоском известила третья, волосы которой, обернутые вокруг шеи, белели в ночи. – Только посмотрите, какие миленькие, милейшие детки!

– Девчонка у них хорошенькая, – подхватила темноволосая мавка. – Чёрненькая. Заберем её себе!

Та мавка, что была с зелёными волосами, стремительно соскочила с дерева, перебирая руками, подползла к остолбеневшей девчонке и бесцеремонно ущипнула её за щёку. Алёнка отпрянула, испуганно вскрикнув.

Оставшиеся на дереве мавки безумно, с придыханием захихикали, глядя на растерянных детей. От осознания собственной беспомощности на душе у Егора стало тоскливо.

– Игоша, маленький, поди погуляй. Смотри, какие детки – гладенькие, вкусенькие.

С рук бледноволосой мавки вывернулся белый-пребелый комочек, он шевелил короткими ножками, и, приглядевшись, Егор понял, что это – обрубки рук и ног. Младенец с чёрными дырами вместо глаз, извиваясь, как личинка, ловко полз к ним.

Алёнка завизжала, Егор дёрнул её в сторону, но одна из мавок оказалась у него за спиной и, оттолкнув, схватила

Алёнку за руку. Константин Никифорович бросился к ним, но те исчезли. Остался только Егор, беспомощно развалившийся в жидкой грязи.

– Где... Где они?

– Их нет, – глухо сказал Егор. – Провалились в ад, и Алёнка с ними.

Им овладело чувство глубокого отвращения к себе. Он бы спас Алёнку. Если бы не боялся. Мавки были мерзкие. И он тоже был мерзок. Хуже них. Потому что трус.

В гробовом молчании они продолжили путь. Через некоторое время лес неожиданно кончился. Деревья словно расступились, и они оказались на трассе.

Удивляться уже не было сил. Они шли, оборванные, грязные и в крови. Егору всё чудилось, что он слышит мерзкий скрежет когтей, тонкий голосок, он то и дело оборачивался, но не видел ничего. И никого. Одни в замкнутой вселенной.

Несколько километров – и ни единого огонька в ночи, ни машины, ни тем более человека, только мрачная чёрная река дороги, рассеченная надвое едва белеющей полосой. Шорохи и поскрипывания деревьев, растревоженных легким ветром. К этим звукам добавлялось шуршание мелких камешков под кроссовками.

– Я устал, – заявил Константин Никифорович и остановился. – Я так устал, что готов сесть прямо тут и дожидаться, пока меня сожрут!

– Они не жрут, а просто рвут на части, – блекло просветил

его Егор, тоже останавливаясь. – Костя, ну пойдём! Ты же несерьёзно! Ну что ты как девчонка? Вот Алёнка бы...

– Не смей про неё!

В крошечной темноте Егор видел плохо, но хорошо представил, как ожесточилось лицо друга – настолько был яростным его голос.

– Не время ссориться! – примирительно сказал Егор. – Мы должны...

И тут Константин Никифорович вдруг взорвался:

– Ничего мы не должны! Всё, что мы были должны – спасти Алёну!

Егор молчал. Лучше пусть выговорится сейчас, наорется, а потом они оба успокоятся и пойдут дальше. Он только надеялся, что его крики не привлекут новых неведомых тварей.

Костя кричал, и тем страшнее это было слушать в полной темноте, когда вокруг на протяжении нескольких сотен километров – ни души. И даже мерные звуки природы казались уж совсем зловещими. Потусторонними. Как то, что осталось позади. Егор изо всех сил гнал от себя невеселые мысли. Костя орал уже срывающимся голосом что-то об Алёнке, о нём, Егоре, о Шпалыче и где он видел лицей с его проклятым полем, а Егор стоял и слушал, не перебивая.

Успокоился Константин Никифорович так же внезапно, как и завёлся – просто друг замолчал и сказал хрипло, еле слышно:

– Пойдём.

Спорить Егору не захотелось. Они всё шли и шли, а ночь и не думала заканчиваться. Наконец Егор заметил, что в темноте стал различать силуэт Кости, бредущего впереди.

– Светает. Может, передохнем немного?

Сначала Константин Никифорович его не услышал. Пришлось догнать и как следует встряхнуть.

– А? – очнулся он словно ото сна.

– Давай посидим немного. А потом пойдём дальше.

Без лишних слов Константин Никифорович послушно опустился на обочину. Егор тяжело бухнулся рядом. Задремал, а когда проснулся, уже рассвело. Но солнца видно не было – как будто на небо надели непроницаемый чехол. Он протер глаза и растолкал Костю, дремавшего сидя.

– Что?

– Пора идти.

– Что это ещё за Сайлент Хилл?!

Егор вытянул руку и не увидел кончиков пальцев, потом с недоверием то же самое проделал Константин Никифорович. А потом повернулся к Егору. Он раскрывал рот, но не издавал ни звука. И дело было не в вязкой белесой мгле, которая скрадывала слова. Константин Никифорович исчезал. Как привидение бледнел на глазах. Когда Егор попытался схватить его, чтобы удержать в нелепой попытке, его рука прошла сквозь прозрачное тело. Егор не выдержал и закричал. Он звал друга и даже начал всхлипывать, но тот не отзывался – бесследно растаял в воздухе. И Егор остался один.

Он долго сидел, вглядываясь в седой туман и боясь пошевелиться. Перед глазами проносились жуткие картины, Егор дрожал, жмурился и жалко скулил. Что будет с ним дальше?

Наконец он устал бояться. Им овладело глубокое безразличие, такое же мутное, как и мгла, в которой он находился. Егор встал и, шатаясь, побрёл вперед. Сколько он так шёл? Час или день? Или несколько дней? Не было голода, только усталость тупой болью отзывалась в конечностях, но душевно он был измотан куда сильнее.

В окружающем воздухе не было сырости – он был сухой, как в летний день, но без единого дуновения ветра, без движения. Мёртвый. Егор протягивал руки в надежде понять, что такое его окружает, но как будто сам воздух из прозрачного сделался вдруг белым. Однако дышать было на удивление легко.

Егор шёл, а окружающий пейзаж и не думал меняться – все было сокрыто непроницаемой белой марью. И тишина – в этом неестественном тумане тонул даже звук шагов. Или просто дело было в том, что дорога ушла, исчезла из-под ног, и Егор находился в невесомости. Он пробовал говорить, чтобы было не так страшно и одиноко, но слова, жалкое исторжение воздуха из лёгких, разбивались о плотную стену тумана, едва успев родиться, а истошные, полные страха крики окружающее пространство попросту всасывало в себя. Безмолвие. Полное и непроницаемое. Непобедимое.

Егор выбился из сил и решил, что ничего уже не случится,

если он на минутку закроет глаза... Но ошибся.

Едва сомкнулись веки, Егору стало жарко, но бороться он больше не хотел. Даже когда тело стало нестерпимо горячим, он безвольно висел на месте. Его сознание потускнело и растворилось в окружающем пространстве, влилось в него. Егор перестал существовать.

Кто сказал, что вечность темна, а пустота – черна? Пустота девственно-бела, невинна, ведь она рождает жизнь.

Константин Никифорович замялся перед входом в палату. Но он дал себе слово – каждую неделю. И, собравшись с духом, толкнул аккуратную белую дверь. Все-таки больница – одна из лучших в городе. Есть шансы.

В болезненно-белой палате уже были гости.

– Как он?

– Так же. – Алёнка, помешкав, осторожно дотронулась до исхудавшей руки Егора, безжизненно покоящейся на еще более белых простынях. – Пульс, дыхание. И деревянный дом, из которого он так и не выбрался. – Постой. Он не дышит!